

Въ минуты досуга.

Изъ воспоминаній кровнаго вологжанина.

I.

Дѣтскіе годы.—Охоты съ братомъ подъ Вологдой.—„Дупельки“.—Утятникъ Оомка.—
Въ наукѣ у Петра Ивановича.—Миска и его гончаки Чиношка и Матроска.—Лѣсникъ Григорій.—Собственно говоря!—Въ Молотовскихъ озерахъ.

Ище въ дѣтствѣ во мнѣ уже сказывался будущій заядлый поклонникъ сѣверной природы и всего до нея относящагося. Съ очень юныхъ лѣтъ я уже восторгался различными явленіями природы и весь отдавался наблюденіямъ, въ особенности лѣтомъ, нерѣдко, чуть свѣтъ покидая свою постельку и отправляясь въ нашъ обширный садъ любоваться утреннею зарею и восходомъ солнца надъ курчавыми осинами и тополями, подъ которыми тихо и покойно протекло мое дѣтство, полное неизгладимыхъ воспоминаній. Прибавьте къ природнымъ склонностямъ то неотразимое обаяніе, которое производило на меня чтеніе завлекательныхъ, полныхъ невѣроятныхъ приключеній, романовъ Майнъ-Рида и Густава Эмара, и вамъ станетъ вполне понятнымъ, какъ въ десять лѣтъ во мнѣ уже горѣло страстное желаніе отдаться всей душой благородной страсти. Но первые шаги моего участія на охотахъ старшаго брата носили чисто пассивный характеръ, ограничиваясь набивкой латунныхъ патроновъ, отмѣриваніемъ зарядовъ пороха и дроби и совѣмъ незавидной ноской ягдташа, казавшагося мнѣ непомѣрно тяжелымъ, или какой-нибудь убитой птицы. Изрѣдка братъ давалъ мнѣ выстрѣлить изъ своего ружья по какой-нибудь цѣли, послѣ чего я приходилъ въ телачій восторгъ, съ азартомъ продувалъ ружье и съ еще большимъ

ружьёмъ и собакой, и какъ бы въ охотѣ, искалъ утѣшенія отъ всѣхъ прелестей своего жалкаго существованія. Повседневный костюмъ Петра Ив. состоялъ изъ довольно потертой темно-зеленой венгерки со шнурами и завитушками, длиннѣйшихъ болотныхъ сапогъ съ ремешками и черной, большой, какъ у итальянскаго бандита, шляпы. Въ этомъ одѣяніи его можно было видѣть добрыя три четверти года, въ немъ же онъ ходилъ и на службу. Только въ особо торжественныхъ случаяхъ онъ облачался въ черную сюртучную пару и, повидимому, чувствовалъ себя въ этомъ нарядѣ довольно стѣснительно. Принося пользу службы въ жертву своей страсти, онъ черезъ пятнадцать лѣтъ добился того, что его смѣстили на низшій окладъ, обходили чинами и наградами и не разъ пытались вовсе уволить отъ службы. Но это его не беспокоило. Правда, иногда онъ соболѣзновалъ себѣ въ этихъ незадачахъ, иногда жаловался моему отцу, но и только. Съ дѣтства охотясь, онъ изучилъ, какъ свои пять пальцевъ, окрестности города и отлично зналъ, гдѣ, когда и что можно было найти, и всегда шелъ навѣрняка. Будучи отличнымъ стрѣлкомъ вообще, а по болотной дичи въ особенности, онъ всегда возвращался съ охоты съ наполненнымъ ягдташомъ дичи. Немало молодежи перебивало у Петра Ивановича въ качествѣ учениковъ охоты, но уроки эти никогда не были для него источникомъ дохода. Несмотря на очень скудные средства, онъ ухитрялся всегда держать двухъ собакъ—легавую и гончую,—которые отлично знали свое дѣло и служили вѣрными спутниками своему хозяину на охотѣ. Болѣе состоятельные охотники нерѣдко снабжали его щенками и, какъ бы плохи послѣдніе ни были, Петръ Ивановичъ умѣлъ извлекать изъ нихъ всю возможную пользу въ смыслѣ пригодности для охоты. Въ свободное отъ службы и охоты время онъ дрессировалъ и натаскивалъ собакъ своихъ и былъ не послѣднимъ специалистомъ этого дѣла.

Въ общемъ, это былъ очень милый, услужливый чловѣкъ, всегда желанный сотоварищъ въ любомъ охотничьемъ кружкѣ, каковыхъ въ описываемое время (начало 80-хъ годовъ) въ Вологдѣ было довольно-таки много. Кружки эти

состояли изъ самаго разнокалибернаго люда, но ремесленники-мѣщане и мелкая чиновная братія всегда составляли большинство, въ особенности послѣдняя, которой были переполнены различныя присутственныя мѣста глухой, но милой Вологды. Высшая интеллигенція въ то время довольно презрительно относилась къ охотѣ и если въ средѣ ея и появлялись поклонники Діаны, то исключительно диллетанты, любившіе ради контраста загородныя путешествія въ сообществѣ настоящихъ охотниковъ. А какъ патріархаленъ былъ бытъ туземныхъ немородовъ! Напр., о кражѣ собакъ тогда и понятія не имѣли, почему собаки всѣхъ возрастовъ и породъ всегда бродили по улицамъ города безъ всякаго присмотра; тутъ же на глазахъ публики происходило и размноженіе нашихъ четвероногихъ друзей, при чемъ нерѣдко получались замѣчательные ублюдки всевозможныхъ ладовъ и окраса. Легавая охота въ ту пору только еще начинала развиваться среди горожанъ. На весь городъ можно было насчитать не болѣе 10 шт. легавыхъ собакъ, главнымъ образомъ принадлежащихъ нѣмцамъ. По чувству справедливости, піонеромъ легавой охоты въ Вологдѣ надо считать извѣстнаго охотника, Оскара Карловича Маакъ, основавшаго мѣстный Отдѣлъ Императорскаго общества охоты, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ слишкомъ 25 лѣтъ. Онъ первый началъ выписывать изъ питомника Ланского пойнтеровъ, которыхъ и сталъ распространять среди членовъ Отдѣла. Съ этихъ поръ собственно и началась правильная охота съ легавой за лѣсной и болотной дичью. Нечего и говорить, что при обиліи дичи въ то время подъ Вологдой, охоты эти были замѣчательно добычливы. Кромѣ О. К. Маака, хорошія породистыя собаки водились у Линдера, Бекмана, Боргеста и другихъ.

Охотниковъ въ Вологдѣ въ то время было мало, едва цифра ихъ доходила до 200 ч. Главный контингентъ ихъ составляло мелкое чиновничество, затѣмъ мѣщане и ремесленники. Преобладали два рода охоты: лѣтняя—за утками по необъятнымъ озерамъ, и осенняя—за зайцами съ гончими. Поклонниковъ утиной охоты было значительно болѣе, нежели таковыхъ же—съ гончими: за утками устремлялись

поголовно и старъ и младъ, съ ружьями и безъ оныхъ; въ послѣднемъ случаѣ утокъ душили десятками съ помощью гончихъ, разныхъ ублюдковъ и даже просто дворнягъ. Встрѣча Петрова дня, происходившая въ большинствѣ случаевъ на озерахъ, являлась какъ бы чѣмъ-то обязательнымъ; болѣе ярые любители охоты забирались на „Низъ“ нерѣдко за недѣлю до узаконеннаго срока, но охоты не начинали до 28 іюня, а ловили различными снастями рыбу. Къ 27—28 іюня берега Вологды, начиная съ 5-й версты и до Креста (20 вер.) оживлялись лодками, группами копошившихся людей, лаемъ собакъ и непрерывной канонадой; ночью же, отъ частыхъ костровъ, казалось, что къ богоспасаемому граду Вологдѣ подступаетъ многочисленный противникъ; какихъ только сценъ не приходилось тутъ видѣть! Каждая компанія чиновниковъ или ремесленниковъ запасалась на случай истомы, усталости или какихъ-либо невѣдомыхъ напастей четвертью водки (т. н. „монахомъ“), въ сообществѣ которой и коротала дни на лонѣ природы.

Въ урожайные года утокъ съ «Низу» привозилась пропасть, нерѣдко по 15—20 паръ на ружье. Утиный разгромъ на озерахъ длился обыкновенно до конца іюля. Затѣмъ охотники принимались за гончую охоту, которая оканчивалась уже зимой. Но вернусь къ сути разсказа. Такимъ образомъ, благодаря отцу, мы попали подъ ферулу симпатичнаго Петра Ивановича, съ которымъ и начали странствовать сначала на «Низъ», гдѣ ознакомились съ утиными озерами и охотой на нихъ, а потомъ, до начала ученья, успѣли досыта набродиться съ гончими по окрестнымъ лѣсамъ и полямъ. Нѣсколько разъ Петръ Ивановичъ бралъ насъ и на охоту съ легавой за дупелями и бекасами, но кромѣ горя эти охоты намъ ничего не дали: имѣя самыя смутныя представленія о стрѣльбѣ въ летъ, мы страшно коптили своими выстрѣлами небо, не сразивъ ни единого долгоносика, тогда какъ Петръ Ивановичъ аккуратно наполнялъ свой объемистый ягдташъ различными обитателями болотъ, къ великой досадѣ своихъ юныхъ компаньоновъ. Впрочемъ, горевалъ собственно я одинъ, ибо братъ мало обращалъ на результаты нашей охоты; ему болѣе нравилось шатаніе

за городомъ, а въ особенности ночевки и привалы, на которыхъ онъ самымъ усерднѣйшимъ образомъ уничтожалъ содержимое ягдташа, наполняемаго каждый разъ предъ нашимъ выступленіемъ заботливой рукой мамашы. И гончая охота наша не могла похвалиться даже средними результатами: за 7 или 8 выходовъ въ поле мы съ грѣхомъ пополамъ подстрѣлили только одного несчастнаго косога, котораго удалось взять при содѣйствіи Петра Ивановича и собакъ.

Наконецъ, въ половинѣ августа моя охота оборвалась: началось ученіе, и волей-неволей пришлось повѣсить ружье на стѣнку; время потянулось своимъ обычнымъ порядкомъ. Осенью я частенько навѣщалъ Петра Ивановича, иногда разсматривалъ съ любопытствомъ его трофеи гончей охоты,—преимущественно зайцевъ-бѣляковъ, и съ увлеченіемъ слушалъ его рассказы объ охотахъ того кружка зайчатниковъ, въ которомъ Петръ Ивановичъ былъ коноводомъ.

Той же осенью я свелъ очень интересное для меня знакомство съ такимъ же, какъ и самъ, начинающимъ охотникомъ, столяромъ Мишкой. Это былъ парень лѣтъ 15, плотный, краснощекій, черноглазый и вѣчно съ черными руками: по профессіи Мишка былъ столяръ. Отецъ Мишки, тщедушный старичокъ, напоминавшій своей наружностью библейскихъ пастуховъ по рисункамъ Дюре, былъ сторожемъ богатаго барскаго дома Брянчаниновыхъ и жилъ въ маленькой хибаркѣ, въ глубинѣ обширнаго двора, гдѣ помещалась и его небольшая столярная мастерская. У Мишки было недурное одноствольное ружьецо и пара надворныхъ совѣтниковъ «Чиношка» и «Матроска». «Чиношка» былъ ублюдкомъ таксы, а «Матроска» смахивалъ на гончую въ миниатюрѣ. Никто бы не могъ подумать, что эти собаки-пигмеи отлично работаютъ по зайцамъ, тогда какъ въ дѣйствительности «Чиношка» и «Матроска» отлично умѣли розыскивать косыхъ, которыхъ гоняли даже жаркими іюльскими днями по 2—3 часа безъ передышки, при этомъ рѣдко скалывались и никогда не трогали убитаго зайца.

Какъ ни вяло, но наконецъ осень, зима и весна миновали. Наступилъ чудный май. Къ концу мѣсяца, сдавъ

экзамены и благополучно перебравшись на слѣдующій курсъ, я прильнулъ къ брату и генералу Хрулю, съ которыми и проводилъ почти цѣлые дни на рѣкѣ съ удочками, посѣщая всѣ извѣстныя намъ рыболовныя мѣстечки. Такъ протянулось время до Петрова дня. Затѣмъ я, покинувъ своихъ компаньоновъ, присоединился къ Петру Ивановичу, съ которымъ и началъ экскурсировать на озера за утками. Насладившись утиной охотой, я въ концѣ іюля забастовалъ и весь отдался гончей охотѣ въ сообществѣ съ Мишкой и его оригинальными гончаками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Александровъ.